

(1926)

238 Приветствовать сибиряков — это значит почувствовать и сказать что-то очень мужественное и созидательное. Понятие сына Сибири есть зов труда и познание тех действительно неисчерпаемо прекрасных сокровищ, которыми наполнена эта страна глубокого прошлого и великого будущего.

Во всех странах, где пришлось побывать, никто ни на минуту не смущался понять все великое, еще несказуемое значение Сибири. Белуха, эта Сумера Азии, стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего. Сибиряки не только любят Сибирь, но они всегда стремятся к ней для работы, для труда, для сотрудничества.

Вспомним, что именно сибирские кооперативы заняли такое забываемое место среди подобных начинаний нашего отечества. И сейчас разве мыслимо соображать, какое сотрудничество без этой сознательной кооперации? Тем, кто хочет строить, можно думать лишь в оценках трудовой единицы. Всякие другие ценности, измышленные и условные, поколебались и обветшали. Недавние кумиры человечества уже отброшены, и вместо них неизбежно и справедливо встает понимание труда. Без этого понимания не будет и настоящего осознания культуры.

Культура, как всеобщее благо, как свет истинного просвещения, как свободно осознанная дисциплина духа,— эта культура слагала крепчайшие народы. И сколько таких народов прошло в великих шествиях по необъятным пространствам сибирским! От всех этих великих путников наслоилося высоко духовное наследие. Эти великие понятия разве не обязывают перешагнуть через ветошь и мусор недоразумений и разрушительных непониманий?

Ведь невозможно больше жить среди хаоса разъединения и взаимоуничтожения! Просто невозможно больше дышать! Невозможно больше радоваться свету солнеч-

ному, когда невежественная озлобленность совершает ужасное шествие смерти.

Но довольно мы слышали о смерти, о разъединении и о разрушении. Отравляющие газы и человеконенавистническая биологическая война не могут являться завершением человечества. Ведь это настоящее потрясение культуры...

Словарь зла преисполнен, и необходимо обратиться ко всем мерам сотрудничества, к понятиям созидания.

Когда мы говорим о созидании, о кооперации, разве мысленно не переносимся мы в дали Азии, в просторы Сибири, где такой непочатый край для всякого строительства! Сейчас зарубежные сибиряки разбросаны по самым неожиданным странам, но везде, где они находятся, можно слышать здоровое слово о труде, о будущем. Сибиряк не может преклонить голову перед переходящей невзгодой; от всех сибирских работников веет неутомимостью, и если добавить к тому дружелюбие и понимание кооперации, то вот вам и новый дом.

Могу добавить, что также в разных странах на наших глазах развиваются многие общества, которые в сознании своем идут рука об руку со здоровыми началами Сибири. Если путник знает, что он не одинок, если он, увидя дальние костры, знает, что это дружественные огни, то и силы его удесят�аются. Путник, имея дальних друзей, дойдет в бодрости.

Во все небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота стремилась широкая Обь... Катит камни Катунь настоящая. И не построен еще город на месте новом. Катун по-тюркски «женщина»...

Камень. Дивный камень. Тигерецкий камень. И просто — камень. И весь край — весь камень.

Елен-Чадьёр. Тоурáк, Куегáн. Карага́й, Ак-Ка́м. Ясагар. Экону́р. Чегáн, Арасáн. Уру́л. Курага́н, Алахóй. Жарха́ш, Онгуда́й. Еломáн. Тургунда, Аргу́т, Карахéм, Арча́т, Жалду́р. Чингис-тай, Ак-Ульгун. Хамсар. Все имена. Эти имена речек, урочищ и городищ — как напевный лад, как созвучный звон. Столько народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаг племен. Ушли и проходят.

Около Черного Ануя на Караголе — пещеры. Глубина и протяжение их неизвестны. Есть кости и надписи.

А когда переломили Эдигол, раскинулась ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. За-

белела дальними снегами. Встала трава и цветы в рост вершников *. И коней не найдешь. Такой травный убор нигде не видали.

Поравнялся алтаец. Пугливо заглянул. Что за новые чужаки в его сторону пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синее, золотое, пурпуровое. Поражающе сходство североамериканских индейцев с монголами.

Про доброго Ойрота все знают. А любимое имя алтайское — Николай.

240 За Ялуем начались алтайские айлы. Темнеют конические юрты, крытые корой лиственницы. Виднеется место камланий. Здесь не говорят «шаман», но «кам». К Аную и к Удале еще есть камы, «наводящие снег и змей». Но к югу шаманизм заменился учением про белого Бурхана и его друга Ойрота. Жертвоприношения отменены. Заменялись сожжением душистого вереска и стройными напевами. Ждут скорое наступление новой эры...

Размытая ливнями дорога измучила коней. Стали в Кырлыке. Придется просидеть ночь. Но не жаль просидеть ночь в месте, где родилось учение о белом Бурхане и его благом друге Ойроте. Имя Ойрота приняла целая область *. Именно здесь ждут прихода белого Бурхана. В скалах, стоящих над Кырлыком, чернеют входы пещер. Идут пещеры глубоко, конца им не нашли. Пещеры и тайные ходы. От Тибета через Куньлунь, через Алтын-Таг, через Турфан; «длинное ухо» знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит * Гималаев превратился в жар-цвет.

«А как выросла белая береза в нашем краю, так и пришел белый царь и завоевал край наш. И не захотела чужь остаться под белым царем. Ушла под землю. И захоронилась камнями». На Уймоне показывают чудские могилы, камнями выложенные. «Тут-то и ушла чужь подземная». Запечатлелось переселение народов.

Беловодье *. Дед Атаманова * и отец Огнева ходили искать Беловодье. «Через Кокуши горы. Через Богогорше. Через Ергор по особому ходу. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят. На конях по особым ходам по Ергору. Или было, что женщина беловодская вышла

давно уже. Ростом высокая. Станом тонкая. Лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан. Сроки на все особые»...

«В 23-м году Соколиха с бухтарминскими * поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет. Все знают о Беловодье».

«С каких же пор пошла весть о Беловодье?» — «А пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам, которые по старой вере, по благочестию».

Значит, в основе сведений о Беловодье лежит сообщение из буддийского мира. Тот же центр учения жизни перетолкован староверами. Путь между Аргунью и Иртышом ведет к тому же Тибету.

Задумана картина «Сосуд нерасплесканный». Самые сильные, самые звонкие горы. Вся чистота. И несет он сосуд свой.

Пишут о магнитных бурях, о необычных температурах и о всяких ненормальностях в природе в связи со сгущением солнечных пятен. В будущем году эффект пятен будет еще значительнее. Возможны необычайные северные сияния. Возможно потрясение нервной системы. Сколько легенд связано с солнечными пятнами, с грозными морщинами светила.

Рамзана ушел в Ладакх. Не вынес северных низин. «Или уйду, или умру». Конечно, вся жизнь ладакхцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов. Жаль Рамзана. Спокойно оставляли на ладакхцев охрану всех вещей. А ойротские ямщики на ладакхцев не похожи.

Кооператор бодро толкует: «Мы-то выдержим. Только бы машины не лопнули. Пора бы их переменить».

И считает Вахрамеем число подвод с сельскими машинами. Староверское сердце вместило машину. Здравое судит о германской и американской индустрии. Рано или позднее, но будут работать с Америкой...

После индустриальных толков Вахрамеем начинает мурлыкать напев на какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня, пустыни, палат и дворцов...»

Знакомо. Сказ про Иоасафа *. «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь поешь про Будду. Ведь бодхисаттва — бодхисаттв переделано в Иоасаф»...

Но Вахрамей не по одной кооперации, не по стихирам только. Он, по завету мудрых, ничему не удивляется: он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное — знает он травки и цветики. Это уже неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветики и где затаились коренья, но он любит их и любитесь ими. И до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется ликом и гладит их и ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелей Целитель *, не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй, Вахрамей Семенович! Для тебя на Гималаях жарцвет вырос...

А вот и Вахрамеева сестра, тетка Елена. И лекарь, и травчатый живописец, и письменная искусница. Тоже знает травы и цветики. Распишет охрой, баканом и суриком любые наличники. На дверях и на скрынях* наведет всякие травные узоры. Посадит птичек цветистых и желтого грозного леву-хранителя. И не обойдется без нее ни одно важное письмо на деревне. «А кому пишешь-то, сыну? Дай-ка скажу, как писать». И течет длинное жалостливое и сердечное стихотворное послание. Такая искусница!

«А с бухтарминскими мы теперь не знаемся. Они, вишь, прикинулись коммунарами и наехали грабить*, а главное, старинные сарафаны. Так теперь их и зовут «сарафанники». Теперь, конечно, одумались. Встретится — морду воротит: все-таки человек, и стыдно. Теперь бы нам машин-американок завести. Пора коней освободить».

И опять устремление к бодрой кооперации. И тучнеют новые стада по высоким белкам. А со Студеного белка лучше всего видно самую Белуху, о которой шепчут пустыни...

Как птицы по веткам, так из языка в язык перепархивают слова. Забытые и никем не признанные. Забайкальцы называют паука мизгирем. Торговый гость, мизгирь, по сибирскому толкованию — просто паук. Какое тюркское наречие здесь помогло? Ветер по-забайкальски — «хиус». Это уже совсем непонятно. Корень не монгольский и не якутский.

В тайге к Кузнецку едят хорьков и тарбаганов (сурков). Это уже опасно, ведь тарбаганы поставляют легочную

чуму. Говорят, что чумная зараза исчезает из шкурки под влиянием солнечных лучей. Но кто может проверить, когда и сколько воздействовали лучи? Откуда шла знаменитая «испанка», так похожая на форму легочной чумы? Не от мехов ли? Часты в Монголии очаги заболеваний, а чума скота вообще довольно обычна. Ко всему привыкаешь. В Лахоре, Сринагаре и в Барамуле * была при нас сильная холера; в Хотане была оспа; в Кашгаре — скарлатина. Обычность делает обычным даже суровые явления.

Ойротские лошадки выносливы. Хороши кульджинские олетские кони. Карашарские бегуны и бадахшанцы не выносливы и в горах менее пригодны...

243

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы * (ничего не признающие, но считающие себя «по старой вере»). Сколько непонятных толков. А к Забайкалью среди семейских, т. е. староверов, ссылавшихся в Сибирь целыми семьями, еще причисляются и темноверцы, и калашники. Темноверцы — каждый имеет свою закрытую створками икону и молится ей один. Если бы кто-то помолился на ту же икону, то она сделается оскверненной и негодной. Еще страннее калашники. Они молятся на икону через круглое отверстие в калаче. Много чего слыхали, но такого темноверия не приходилось ни видеть, ни читать. В лето 1926 года! Тут же и хлысты, и пашковцы, и штундисты, и молокане. И к ним уже стучится поворотливый католический падре. Среди зеленых и синих холмов, среди таежных зарослей не видеть всех измышлений. По бороде и по низкой повязке не поймете, что везет с собою грузно одетый встречник.

В Усть-Кане последняя телеграфная станция. Подаем первую телеграмму в Америку. Телеграфист смущен. Предлагает послать почтой в Бийск. Ему не приходилось иметь дело с таким страшным зверем, как Америка. Но мы настаиваем, и он обещает послать, но предварительно запросив Бийск.

На следующий год сделана разбивка линии до Котанды *, т. е. в двух переходах от Белухи. До Котанды еще с довоенного времени проектирована ветка железной дороги от Барнаула, связывая сердце Алтая с Семипалатинском и Новосибирском. Говорят: «Тогда еще инженеры прошли линию». — «Да когда — тогда?» — «Да известно, до войны». Таинственное «тогда» становится определителем до-

военной эпохи. Уже Чуйский тракт делается моторным до самого Кобдо. Уже можно от Пекина на «додже» дойти до самого Урумчи, а значит, и до Кульджи, и до Чугучака, до Семипалатинска. Жизнь кует живительную пряжу сообщений...

«Курумчинские кузнецы». Странные, непонятные народы не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов, аланов, готов * разбиваются на множество необъясненных подразделений. Настолько все неизвестно, что монеты с твердыми датами иногда попадают в совершенно несоответственные, временно установленные периоды. Оленьи камни, керексуры, каменные бабы *, стены безмянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не явили. Как замечательны ткани из последних гуннских могил, которые дополнили знаменитые сибирские древности.

Живет предание о черном камне *, появляющемся в сроки больших событий. Если сравните все устные сроки из Индии, Тибета, Египта, Монголии, то совпадения их напомнят, как помимо историков пишется другая история мира. Особенно значительно сравнивать показания совершенно различных народностей.

Калмыки и монголы по следу коней и верблюдов узнают род и количество груза. Скажут: «Проехал конный с двумя конями в поводу. Два коня загнаны, а третий свежий». Или: «Прошел табун и при нем два вершника».

Передавали случаи из недавних войн. Вызвался один наездник принудить к сдаче целый полк. Взял одного товарища и большой табун конский: «Больше, — говорит, — ничего и не надо». Подогнал табун с наветренной стороны, а сам поехал с товарищем для переговоров. Говорит: «Немедленно сдать оружие, иначе поведу на вас все мое войско». Подумали, поглядели на столбы пыли от табуна, да и сдали оружие. А удалец велит товарищу: «Скачи, отведи войско обратно». Так и принудил к сдаче весь полк. И это не чингисова сказка, а недавняя быль.

И слухи опережают даже моторы. За двести верст верхом едут чай попить.

Опять передают: «Толкуют, что вы пропали». Неужели во второй раз похоронят? Откуда это неиссякаемое стремление клеветы и всяких ложных выдумок? Говорят, что много ходит поддельных картин под меня. Рассказывают

целые забавные истории и даже называют несколько имен, таким порядком на мне заработавших. Говорят, В. и Р.— один в Ленинграде, а другой в Москве поработали *. Несколько подделок мне приходилось видеть еще до войны. Помню одну очень большую картину, неглупо составленную из фрагментов разных моих вещей. Бедный собиратель, позвавший меня одобрить его покупку, был огорчен безмерно.

Друзья, вам могут приносить в музей такие подделки, смотрите, будьте осторожнее. Так часто приходилось видеть и картины и целые альбомы, фальшиво приписанные. Помню одну картину Руцица, подписанную моим именем. Неисповедимы пути художественных произведений. Рассказывают о гибели многих моих картин. Пропал «Зов змия» из Академии, пропали «Поход», «Ункрада», «Построение стен», «Святогор» и другие. Конечно, их считают пропавшими, но кто знает? Пути вещей так неожиданны. Собирая старинных мастеров, мы наталкивались на такую изысканную игру жизни.

245

Приходит заезжая художница. Приходит геологическая экспедиция. Говор о художниках. Крепко стоят Юон, Машков, Кончаловский, Лентулов, Сарьян, Кустодиев... * Пошатнулся Венуа. Ушел в Литву Добужинский *. Не упоминают Сомова, не знают, что Бакст умер *. Нарастают молодые. Смело действуют Щусев и Щуко *. И ходит художница, зарисовывает старые уголки: ворота, наличники окон, разные балки и коньки крыш. Точно последний списочек вещей перед дальним путем. И уйдут с крыши разные коньки. И пусть уйдут, так же как и узоры набойки. Но чем заменятся они? «Венский» стул и линючий ситец не вводят культуру. Вот молодым-то и задача. Дайте облик будущей жизни. Из фабричных гудков и из колокольного звона ладили симфонию. Если даже и не удалось, то сама затея была звонка. Вот и для обстановки дома нужна находчивая рука и затея без предрасудков. Вон мастерские палеховские и холуйские иконники важно обновили свою работу. Как красивы их вещи в кустарном музее! Привет Вольтеру *...

Смотрите и удивляйтесь: и книги, и картины, и песни, и танцы, и строения — все это анонимно пускается по волнам мира. Книжки по традиции приписываются определенному автору, но ведь он-то сам на рукописи свое имя не ставил. Картины не подписаны; имя зодчего Поталы не запечатлено. На фарфоре, на керамике и на металлических

изделиях видите иногда марку производства, но не имя. И в этой основной анонимности Восток далеко оставил за собою Запад. У Востока нужно учиться, но для этого нужно усвоить психологию Востока. Восток не любит фальшивых прищельцев; Восток легко различает маскарадную подделку. И Восток никогда не забудет свое решение. Испытание Востока решается в первый же момент. Все выплаты поправок лишь увеличат шутовство поддельного наряда...

Луначарский говорит: «...Здесь уместно припомнить, как непрестанно и как подчеркнуто возвращался Владимир Ильич к идее о необходимости усвоить старую культуру вплоть до старого искусства, о чем совершенно определенно гласит составленный им соответственный параграф нашей программы» *.

В великом Ленине поразительно отсутствует отрицание. Он вмещал и целесообразно вкладывал каждый материал в мировую постройку. Именно это вмещение открывало ему путь во все части света. И народы складывают ленинскую легенду не только по прописи его постулатов, но и по качеству его устремлений. За нами лежат двадцать четыре страны, и мы сами в действительности видели, как народы поняли притягательную мощь Ленина. Друзья, самый плохой советчик — отрицание. За каждым отрицанием скрыто невежество. И в невежестве — вся гидра контрреволюции.

Знайте, знайте без страха и во всем объеме.

Когда же наконец люди выйдут из туманных потемок «мистики» для изучения солнечной действительности? Когда же извилины пещеры сменятся сиянием простора? Ленин понимал это.

Маральи рога и струя кабарги до сих пор являются ценным товаром. Нужно исследовать целебные свойства толченого рога марала. Весенняя кровь, налившая эти мохнатые рога, конечно, напитана сильными отложениями. В чем разница мускуса тибетского барана и мускуса алтайской кабарги? Кабарга питается хвоей кедра и лиственницы. Алтайцы жуют хвойную смолу. Все подробности мускуса должны быть исследованы.

Стоим в бывшей староверской моленной. По стенам еще видны четыре угольника бывших икон. В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда?

Белый Бурхан, есть ли он Будда или иной символ? В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта. Вспоминаем заключение Чома де Кёреш.

На вершинах белков наблюдается необычно теплая температура в зимнее время. По заметкам Сапожникова*, ледник на Белухе за пятнадцать лет отступил на сто восемьдесят метров.

Около двух часов ночи на 2 августа на восток от села Алтайского падал сильно светящийся огромный метеорит. К югу от Верхнего Уймона в прошлом году на вершине белка выбросило как бы взрывом камни и песок. Образовалась воронка.

Начата картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Сама чистота, как на Фалюте. И нет с горы сосуд свой.

«Кует кузнец судьбу человеческую на Сиверных горах». Гроб Святогора на Сиверных горах. Сиверные горы — Сумыр, Субур, Сумбыр, Сибирь — Сумеру. Все тот же центр от четырех океанов. В Алтае, на правом берегу Катуня, есть гора, значение ее приравнивается мировой горе Сумеру. «Саин галабын судур»* — «Сказание о добром веке».

Все деревья были заговорены, чтобы не вредили Бальдру*. Одна омела была забыта; именно стрела из омелы поразила Бальдра. Все животные дали благословение на построение храма в Лхасе, но один сивый бык был забыт, он-то и восстал после в виде нечестивого царя, против истинного учения. Ничто сущее не должно быть обойдено при строительстве. «Даже мышь перегрызет узы».

Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?

Семнадцатого августа смотрели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород.

А за Белухой кажется милый сердцу хребет Куньлуня, а за ним — «Гора божественной владычицы», и «Пять сокровищниц снегов», и сама «Владычица белых снегов», и все писанное и не писанное, все сказанное и не сказанное.

«Между Иртышом и Аргунью. Через Кокуши. Через Боготорше. По самому Ергору едет всадник...»